

СЕРАЯ КАРУСЕЛЬ

Сергей Тимин

Сергей Тимин

Серая карусель

«Автор»

2026

Тимин С.

Серая карусель / С. Тимин — «Автор», 2026

Частный детектив Илья Воронцов ищет пропавшую студентку Машу и выходит на организацию, которая исполняет любые желания - в обмен на память о человеке у его близких. Подписавшие контракт исчезают в сером тумане, а мир постепенно забывает, что они существовали. Семь лет назад у самого Воронцова жена исчезла при схожих обстоятельствах, и только он один её помнит. Вместе с волонтером Катей, чей брат тоже пропал, он выходит на след «Серой карусели» - структуры, которая существовала в Москве десятилетиями и кормилась отчаянием обычных людей. Чтобы вернуть близких и остановить сделки, им придется поставить подпись под собственным желанием - и взять на себя цену, которую Карусель не смогла предусмотреть.

© Тимин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Тимин

Серая карусель

Глава 1

Дверь офиса скрипнула в четверть одиннадцатого утра. Я как раз разогревал в микроволновке вторую за утро порциюпельменей - в картонной коробочке, прямо как в общежитии в девяностые. Офис мой - это полуподвал на Сухаревской, комната на семнадцать квадратов, окно выходит во двор на мусорные баки, на стене висит календарь за 2023 год, который я всё никак не поменяю. Работаю частным детективом уже шестой год. За это время я нашёл семнадцать сбежавших собак, девять неверных мужей, трёх неверных жён, одного угнанного «Логана» и одного мальчика, который просто прятался у бабушки в Зеленограде, потому что не выучил таблицу умножения. Ни одного по-настоящему громкого дела. Я не жалею. Громкие дела - это когда в них стреляют. А мне стрелять надоело.

На пороге стояла женщина лет семидесяти пяти. Пальто серое, в серых катышках, под мышкой - матерчатая сумка с надписью «Магнит», на голове платок в мелкий цветочек. Лицо в мелких морщинах, глаза красные, как будто плакала всю ночь и утро тоже.

- Илья Сергеевич? - спросила она тихо.

- Он самый. Заходите, Людмила Петровна. Прошу на стул.

- Мы договаривались по телефону?

- Договаривались. Садитесь. Пельменей хотите?

Она покачала головой и села на краешек стула, как будто боялась испачкать что-то. Поставила сумку на колени, стала в ней рыться.

Я вынул пельмени, поставил на стол перед собой, достал вилку из ящика. В ящике у меня три вилки, одна ложка, пистолет «Макаров» с просроченным разрешением и стопка неоплаченных квитанций за электричество. Нормальный набор человека, который не планирует будущее дальше, чем на обед.

- Рассказывайте, - я подул на пельмень.

- Внучка моя, Маша. Учится на третьем курсе МГУ, филфак. Двадцать лет. Звонила мне каждое воскресенье. Ровно в семь вечера. В прошлое воскресенье не позвонила. Я в понедельник в общежитие приехала - там девочка в её комнате живёт, не Маша. Говорит, комната её уже полгода. Я в деканат - а они мне: какой такой Маши Добронравовой у нас нет. Я им документы, фотографии - они смотрят, как на сумасшедшую. В полиции сказали: бабушка, нет такого человека. Заявление не приняли.

- Паспорт её у вас есть?

- Был у неё. У меня - только свидетельство о рождении, вот, - она достала из сумки свёрнутый в несколько раз файл и положила на стол. - И фотография. Последняя, с сентября.

Она положила на стол фотографию. Обычный снимок, распечатанный на домашнем принтере, глянец, уголки чуть помялись. Девушка с длинными светло-русыми волосами, в синей куртке, стоит на фоне входа в метро «Университет» и улыбается в камеру. Обычная девушка, двадцать лет, вся жизнь впереди.

Я кивнул, убрал фотографию в папку:

- Родители что говорят?

- Родители в Новосибирске. Я им позвонила - они не понимают, о ком я. Спрашивают: мама, какая Маша, у нас сын в армии, дочери нет. Я им кричу, как - дочери нет? Они трубку положили. Илья Сергеевич, - она подалась вперёд, и я увидел, что у неё дрожат руки, - она

была. Я её кормила, я её в первый класс вела, я ей на выпускной платье голубое шила. Она была. Куда она делась, если все про неё забыли?

Я ел пельмени и смотрел на старую женщину. Слёзы текли у неё по щекам, и она их не вытирала, как будто уже не замечала.

За шесть лет работы я повидал многое. Видел людей, которые теряли память после инсульта. Видел семьи, которые отрекались от детей. Видел отцов, которые забывали, как зовут собственных дочерей, потому что пили по-чёрному десять лет подряд. Но чтобы все сразу - и родители, и университет, и соседки по общежитию - и чтобы девушка просто перестала существовать в базах и в голове у людей, такого я не видел.

- Людмила Петровна, - я отодвинул тарелку, - я буду искать. Но сразу скажу: если она уехала сама и не хочет, чтобы её нашли - я найду, но вы должны быть готовы ко всему.

- Она не уехала, - твёрдо сказала старуха. - Она бы меня не бросила. Я её единственная бабушка.

Я взял аванс - десять тысяч рублей, старуха вытащила их из конверта, пересчитала дважды дрожащими пальцами. Проводил её до двери, вернулся, сел за стол и снова взял фотографию.

И тут мне стало не по себе.

Я мог бы поклясться, что когда я убирал фото в папку пять минут назад, на лице у девушки была отчётливая улыбка - ямочки на щеках, зубы ровные, всё как положено. Сейчас, когда я снова смотрел на снимок, улыбка была ещё здесь, но будто бы выцвела. Как если бы кто-то убавил яркость в фотошопе. Волосы стали чуть серее. Глаза - тёмные, карие - словно подёрнулись тонкой плёнкой, как лужа в ноябре, когда прихватывает первый лёд.

Я поднёс фотографию ближе к настольной лампе.

В зрачках девушки на мгновение что-то отразилось. Не лампа, не окно, не моё лицо.

Что-то круглое, вращающееся.

С цветными лампочками по краю.

Карусель.

Я моргнул - отражение пропало. Обычные глаза на обычной фотографии.

Положил снимок в папку, папку - в сейф. Сейф у меня старый, советский, с кодовым замком, я в нём держу всё важное: пистолет, деньги, паспорт, пачку писем от Ани, которые не могу выбросить уже семь лет.

За окном пошёл мелкий дождь со снегом. Ноябрь в Москве умеет быть паскудным. Я надел куртку, проверил, что ключи в кармане, закрыл офис и пошёл в сторону метро. На лестнице мне навстречу поднималась соседка Зинаида Михайловна из коммуналки на втором этаже - мы с ней иногда пьём чай, когда у неё обостряется артрит и она ходит по врачам.

- Илья, - остановилась она, - ты сегодня какой-то бледный. Плохо спал?

- Да, работы много.

- А что за бабушка к тебе приходила?

- Клиентка. Внучку ищу.

Зинаида Михайловна кивнула, потом нахмурилась:

- Странное дело. Сегодня утром из пятой квартиры девушка выходила - светленькая, в синей куртке. Я ещё подумала: не родственница ли тебе? Глаза у неё были такие же, как у той, что... ну, твоей Ани. Такие же грустные.

У меня холодок прошёл по спине.

- Когда выходила?

- Да минут за десять до тебя. Стояла у твоей двери, потом ушла.

- Куда пошла?

- Не знаю, я в магазин шла. Илья, что с тобой? Ты аж позеленел.

Я не ответил. Выбежал на улицу, посмотрел налево, направо. Сухаревская в обе стороны полна людей, куртки, зонты, серый поток, из которого не выцепишь ни одного конкретного лица. Дождь со снегом лепил в лицо, и я стоял под ним, как дурак, и смотрел, и понимал, что упустил кого-то важного.

Потом я вернулся в подъезд, вытер лицо рукавом и пошёл вниз, за документами.
Надо было ехать в общежитие МГУ.

Глава 2

Общежитие МГУ на Ломоносовском - это семнадцать этажей серого панельного счастья, построенного к Олимпиаде-80 и с тех пор почти не отремонтированного. Запах в вестибюле стоял знакомый по моей собственной общаге: варёная капуста, стиральный порошок, сигаретный дым и что-то сладкое, вроде сдобы из автомата. Вахтерша - женщина лет шестидесяти с крашеными в бордовый волосами и фамилией Степаненко на бейджике - не хотела меня пускать. Я показал корочку частного детектива, рассказал про пропавшую студентку, упомянул, что, если что, придётся возвращаться с полицией и с официальным запросом. Вахтерша вздохнула, позвонила коменданту, та сказала «пусть идёт», и я пошёл на одиннадцатый этаж.

Комната 1114. Дверь обклеена наклейками: какой-то корейский бойз-бэнд, стикер «я против войны с понедельником», маркерная надпись «не входить, я сплю». Я постучался.

- Открыто! - раздался девичий голос.

Я вошёл. Комната на три человека. Две кровати аккуратно заправлены, на третьей - разбросанная одежда, учебник по зарубежной литературе раскрыт вверх корешком, на подоконнике в банке из-под огурцов стоит одинокая роза, засохшая недели две назад. За столом у окна сидела девушка с короткой стрижкой, в худи с надписью «NY», и смотрела сериал на ноутбуке.

- Привет, - сказал я. - Мне нужна Маша Добронравова.

- Кто? - девушка сняла наушники.

- Маша. Добронравова. Живёт в этой комнате.

Она удивлённо оглядела комнату:

- Я тут одна живу с сентября. Девчонок в этой комнате нет, они расселили кого куда. А что случилось?

- А у тебя есть соседки?

- Были, обе перевелись. Одна в Питер, другая в общежитие на Воробьевых. Маша... нет, не знаю такой. Первый раз слышу.

Я достал из папки фотографию - ту, что дала Людмила Петровна. Положил на стол перед девушкой:

- Посмотри внимательно. Не она?

Девушка посмотрела на снимок секунду-другую, потом пожала плечами:

- Нет. Первый раз вижу. Слушайте, а вы кто вообще?

- Детектив. Ищу пропавшего человека. Можно осмотреться?

- Осматривайте, только недолго. Мне к семинару готовиться надо.

Я прошёлся по комнате. Вещи на кровати - обычные: джинсы, свитер, лифчик висит на спинке стула. На столе у короткостриженной - тетради, чай в кружке с надписью «Королева мира», пачка печенья «Юбилейное». Третья кровать - та, что напротив двери, - была пуста, матрас скатан в рулон, на голой сетке лежала густая серая пыль. Не обычная - мелкая, как тальк, и её было много, как будто на кровати жгли что-то и не убрали.

- А третья кровать почему пустая? - спросил я.

- Так всегда было. Я когда заселилась в сентябре, она уже стояла пустая. Говорили, что какая-то девочка жила, потом ушла. Никто не знает куда. Пыли там - видите? Я не протираю, не моя кровать.

- Давно?

- Что давно?

- Пуста она с сентября?

- Да, я же говорю.

Я подошёл к пустой кровати. Матрас был скатан так, как скатывают его при выселении, - аккуратно, перетянут верёвкой. На веревочке болталась бирка с надписью «Добронравова М. Списана 03.11.2025».

Списана. Как вещь.

Я откинул скатанный матрас. Под ним на сетке лежало то самое серое вещество - тонким ровным слоем, словно кто-то просыпал муку. Я присел на корточки, дотронулся пальцем. Пыль была холодная и сухая, как зола от давно потухшего костра. Понюхал - ничем не пахнет. Растер между пальцев - она растаяла, не оставив и следа.

Сердце у меня стукнуло глухо. Я уже видел такую пыль однажды. Семь лет назад, на кухне нашей с Аней квартиры в Бибиреве. Когда я пришёл вечером с дежурства, на столе стояла недопитая чашка чая, на плите - кастрюля с борщом, на стуле висел её свитер, а её самой не было. И на полу у входной двери, на коврике, был ровно такой же тонкий слой серого порошка. Я тогда решил, что с улицы нанесло.

А потом выяснилось, что Ани нет нигде. Что её родители, мои коллеги, наши общие друзья - никто не помнит, что я был женат. У них в голове я всегда был холостым. Только у меня в паспорте стоял штамп о браке, и в шкафу висели её платья, и на тумбочке у кровати - её крем для рук с запахом лаванды.

Я тряхнул головой, прогоняя воспоминание. Обошёл кровать, засунул руку под подушку матраса - там, где студенты обычно прячут закладки и презервативы. Пальцы нащупали гладкий клочок бумаги. Я вынул его.

Это был обрывок кассового чека. Печать почти стёрлась, но сверху можно было разобрать: «Карусель-клуб. Ночь желаний». Сумма не указана, дата - 02 ноября, прошлое воскресенье. День, когда Маша не позвонила бабушке.

Я сунул чек в карман.

- Спасибо, - сказал я девушке. - Я закончил.

- Нашли, кого искали?

- Почти.

Я вышел из комнаты. В коридоре было пусто, пахло хлором из уборной. Я дошёл до лифта, нажал кнопку. Пока ждал, вынул чек и посмотрел на него снова. Бумага как бумага. Странно только - никакого адреса, никакого ИНН, только название.

И тут я заметил, что на обороте, где было чисто секунду назад, проступили слова. Написанные тонким почерком, как если бы кто-то писал шариковой ручкой и надавил так, что отпечаталось на обратной стороне:

«Ты ещё помнишь её? Повезло».

Я уставился на надпись. Буквы были свежие, чернила отливали синевой, как будто их написали прямо сейчас, в моих руках.

Лифт приехал, дверь открылась. В лифте стоял парень лет двадцати семи, в сером костюме, с идеально уложенными каштановыми волосами. Он улыбнулся мне - открыто, дружелюбно, как старому знакомому.

- Вы на выход? - спросил он вежливо.

Я не ответил. Я смотрел на его руку. В правой руке он держал простую шариковую ручку - чёрную, прозрачную, дешёвую, за сорок рублей из канцелярского. А на указательном пальце левой - тонкое колечко серого порошка, словно он макнул палец в золу.

- Вы в порядке? - парень наклонил голову, улыбка не слезла с лица.

- В порядке, - сказал я и шагнул в лифт.

Парень нажал кнопку первого этажа. Мы ехали молча. Я смотрел на него в зеркальную стенку лифта. Он улыбался и смотрел прямо перед собой. Ничего угрожающего, обычный молодой человек, в меру симпатичный, в меру скучный. Из тех, кого не запоминаешь, даже если сидишь с ними в одном купе три часа.

На первом этаже он вышел первым и придержал мне дверь:

- Всего доброго.

- И вам, - сказал я.

Я вышел на улицу. Когда я оглянулся через секунду, парня в вестибюле уже не было. Вахтерша Степаненко смотрела в свой телефон и жевала бутерброд.

- Мужчина в сером костюме только что вышел? - спросил я.

- Какой мужчина? - она подняла голову. - Никто не выходил, вы один вышли.

Я вышел на улицу. Снег с дождём усилился. Чек в кармане я сжал так, что он скомкался в кулаке.

Теперь я знал, что Людмила Петровна не сумасшедшая.

И то, что забрало её внучку, не было обычным преступлением.

Глава 3

Полицейский участок в Гагаринском районе встретил меня привычным набором звуков и запахов: звонок телефона где-то в дежурке, чей-то плач в коридоре, крепкий чай из пакетика, сапоги и усталость. Здесь я проработал восемь лет, ушёл в звании капитана после того, как потерял Аню - вернее, после того, как Аню потерял весь остальной мир и я остался с этой дырой в груди один, а коллеги на меня смотрели, как на тронувшегося умом.

Мой старый напарник Олег Кулешов сидел в своём кабинете на третьем этаже - том же самом, где мы сидели с ним бок о бок десять лет назад. За это время Олег растолстел килограммов на двадцать, отрастил усы с проседью и стал подполковником. На столе у него стоял компьютер с новым монитором, а рядом - неизменный гранёный стакан в подстаканнике с надписью «О. В. Кулешов, лучший опер 2014».

- Воронцов, - оторвался он от бумаг, - тебя что, дождь принёс?

- По делу. Здравствуй.

- Здравствуй, здравствуй. Садись. Чаю?

- Нет, спасибо.

Я сел на знакомый скрипучий стул напротив, положил папку на стол перед ним:

- Мне нужно пробить одну девушку. Добронравова Мария Сергеевна, двадцать лет, студентка МГУ. Пропала в районе третьего ноября. Воскресенье.

Олег вздохнул, вытер усы тыльной стороной ладони и полез в базу. Я смотрел, как он стучит по клавиатуре пальцами-сосисками. Пальцы у него всегда были толстые, и он удивительно ловко с ними обращался - мог развязать узел на верёвке одной рукой, мог достать из кармана вора ключи так, что тот ничего не почувствует.

- Добронравова Мария Сергеевна... двадцать лет... - бубнил он под нос. - Нет, Илья, не выдаёт. Есть Добронравовы в Новосибирске, там семья: отец, мать, сын в армии. Дочки у них нет.

- В МГУ учится, на филфаке.

- Давай по адресу общежития. - Он пробил ещё раз, хмыкнул: - Студенты, зарегистрированные в комнате 1114 общежития МГУ... там на данный момент одна Белоусова Дарья Антоновна. Всё.

- А с августа по ноябрь кто был?

Он ещё побил по клавишам.

- Даша Белоусова с сентября, и две до неё - Смирнова и Крюкова, те уехали. Никакой Добронравовой.

- Олег, она была. Бабушка пришла ко мне, свидетельство о рождении принесла, фотография есть. В общежитии на матрасе бирка с её фамилией.

Олег посмотрел на меня внимательно. Я знаю этот взгляд - он так смотрел на потерпевших, у которых украли кошелёк в метро и которые не могут точно сказать, сколько там было денег.

- Илья, - сказал он тихо, - ты это... спишь нормально?

- Сплю, как все.

- Я тут не первый раз замечаю. Ты прибегаешь с людьми, которых нет в базах. То какая-то бабушка из Зеленограда с внучкой, которая не числится, то мужчина, у которого якобы дочь украли, а у него нет дочери. Может, тебе отдохнуть? Вон, съезди в санаторий. Я тут тебе путёвку могу организовать, через профсоюз.

Я достал фотографию Маши, положил перед ним на стол:

- Посмотри. Это она.

Олег взял фото, поднёс ближе, надел очки, посмотрел секунду, потом пожал плечами:

- Обычная девушка. Симпатичная. Но, Илья, нет её в базе. Значит, либо бабушка твоя придумала себе внучку от одиночества, либо...

Он не договорил. Я понял без слов. Либо я сам свихнулся.

Я смотрел на его стол. Рядом с подстаканником стоял пластиковый стаканчик - один из тех, что берут в автомате с кофе на первом этаже. На дне стаканчика - тонкий слой того же серого порошка, что я видел на кровати Маши и на кухне у Ани.

- Олег, - сказал я медленно, - а у тебя давно этот стакан на столе стоит?

Он глянул, как будто сам удивился:

- Какой стакан? А, этот. Да не знаю. Вчера, наверное. Сейчас выкину.

Он смял стаканчик в руке и бросил в мусорную корзину под столом. В корзине лежало ещё несколько таких же, и на донышке каждого - серый налёт.

- Ты ничего не замечал в последние месяцы странного? - спросил я. - Люди пропадают, а все забывают, что они были. В общежитии моей клиентки на кровати лежит пыль, как пепел. И твои стаканчики такие же.

Олег посмотрел на меня, потом на мусорную корзину, потом опять на меня. Улыбка у него была натянутая, неуверенная.

- Илья, ты перетрудился. Серьёзно. Вот тебе мой совет - сходи в отпуск. Помнишь, ты в прошлом году в Крым ездил? Поехал бы ещё раз. К морю.

- Я в Крым не ездил, Олег. Я не был в отпуске три года.

Он махнул рукой:

- Ну, не был - так поедешь. Давай, а мне работать надо.

Я убрал фото в папку, встал. Олег тоже встал, проводил меня до двери кабинета и даже похлопал по плечу - старому напарнику, который тронулся. У двери я остановился:

- Олег, а мы о чём сейчас говорили?

Он моргнул. На секунду его лицо стало пустым, как чистый лист. Потом он нахмурился, посмотрел на меня с недоумением:

- О... не знаю. То есть - о чём? А, ты же зашёл попрощаться, да? В отпуск уходишь?

У меня внутри сжалось что-то холодное.

- Да, - сказал я. - В отпуск.

- Ну, счастливо, - он кивнул и вернулся за стол.

Я закрыл за собой дверь. В коридоре прислонился к стене и простоял так минуты две. Люди проходили мимо - с бумагами, с кружками, с задержанными в наручниках. Никто не обращал на меня внимания.

Память Олега стёрлась прямо во время разговора. Пока мы сидели, пока я показывал ему фотографию, пока он пробивал Машу по базе - он помнил. Стоило мне встать и отвлечь его - и он уже не вспомнил, зачем я пришёл.

Не потому что Олег плохой опер или пьёт на работе.

Потому что это действует быстрее, чем память может удержать.

Я вышел из участка и дошёл до ближайшего сквера. Сел на мокрую скамейку под голым тополем, достал телефон и стал пролистывать новости. Вбивал в поиск разные варианты: «пропала девушка Москва», «студентка исчезла МГУ», «серая пыль на месте пропажи». Последний запрос выдал кучу всякого: и эзотерику, и уборку квартир, и ремонт. Ничего конкретного.

Тогда я вспомнил, что есть форумы волонтёрских поисковых отрядов. «Лиза Алерт», «Сова», региональные группы. Люди там публикуют ориентировки, отчёты, делятся наблюдениями. Я открыл сайт «ЛизаАлерт», зашёл в раздел поисков, стал фильтровать по Москве и Московской области за последние полгода.

За полгода в Москве и области пропавшими без вести числилось 837 человек. Из них найдены живыми - 521, найдены погибшими - 94, не найдены - 222. Обычная статистика, по

большей части - подростки, ушедшие из дома, пенсионеры с деменцией, мужчины, уехавшие на заработки и не вернувшиеся.

Я стал читать ориентировки на тех, кого не нашли. И чем дальше читал, тем сильнее холодело внутри.

В сорока семи случаях из этих двухсот двадцати двух родственники писали примерно одно и то же: «Перед тем как пропасть, жаловался(лась), что всё надоело», «Последние дни был(а) подавлен(а), говорил(а), что готов(а) на всё, лишь бы наладилось», «В день исчезновения был(а) странно счастлив(а), как будто нашёл(ла) решение».

Сорок семь. Слишком много для совпадения.

И у многих из этих сорока семи в комментариях волонтёры упоминали одну и ту же деталь: в квартире или комнате пропавшего «пыльно», «много серой пыли на полу», «странный пепел, как от бумаги, но бумаг никто не жёг».

Я закрыл сайт, убрал телефон. Достал пачку сигарет - я бросал три раза, и всё без толку, особенно когда нервы. Закурил. Дым ушёл в серое небо.

Сорок семь Маши Добронравовых за полгода. Сотни - если брать несколько лет. И никто не видит закономерности. Потому что тот, кто пытается разобраться, быстро забывает, зачем разбирался. Как Олег. Как, возможно, десятки волонтёров и оперативников до меня.

Но есть одно «но». Я не забыл. Семь лет прошло - а я помню Аню. Помню, как она пела в душе, как жарила сырники на воскресный завтрак, как сердилась, когда я приходил с дежурства пьяный и усталый, как плакала на похоронах моей матери. Я помню всё, до последнего слова, до последнего запаха.

Почему я - помню?

Я докурил сигарету до фильтра, бросил в мокрую траву и встал. Нужно было искать, кто эти сорок семь человек до исчезновения. А это - к волонтёрам. У поисковиков всегда есть база, есть детали, которые не попадают в официальную статистику.

На том же сайте я нашёл контакты координатора московского отряда. Написал в телеграм: «Здравствуйте, я частный детектив, расследую исчезновение М. Добронравовой, есть пересечения с другими делами. Можем встретиться?».

Ответ пришёл через две минуты: «Можно. Кафе «Пирог» на Цветном бульваре, в шесть вечера. Ищу Катя».

Глава 4

Кафе «Пирог» - обычное сетевое место с дощатыми столами, запахом корицы и вечно слегка недогретым помещением. В шесть вечера там было полно: парочки, студенты с ноутбуками, одна мама с ребёнком, который размазывал вишнёвую начинку по столу. Я сел за свободный столик у окна, заказал чай с облепихой и пирог с капустой, стал ждать.

Ровно в шесть дверь открылась и вошла девушка. Невысокая, крепкого телосложения, в тёмно-синей куртке с нашивкой «Лиза Алерт» на рукаве, рыжеватые волосы собраны в хвост под шапкой. Лицо у неё было приятное, весёлое, с веснушками, но глаза - глаза были взрослые, с тем самым усталым взглядом, какой бывает у людей, которые много видели плохого и не привыкли об этом говорить.

- Илья? - подошла она к столику.

- Да. Садись.

- Катя, - она протянула руку, пожала крепко, по-мужски. Села напротив, сняла куртку. Под курткой - чёрная толстовка с тем же логотипом отряда. - Я про Машу Добронравову смотрела наши записи. Бабушка оставляла заявку на горячей линии в понедельник.

- Что по заявке?

- Отработали по стандартной схеме. Обзвонили больницы, морги, полицию, опросили соседей по общежитию. Ничего. Бабушка признана не вполне адекватной: ни один родственник не подтверждает существование внучки. Заявку закрыли как ложную. Но...

Она помолчала, попросила у подошедшей официантки чайник чая и пирог с курицей, дождалась, пока та отойдёт, и продолжила уже тише:

- Но это не первая такая заявка. Я занимаюсь пропавшими уже три года. И за это время у меня накопилось... в общем, личный список. Сорок семь человек.

- Я знаю. Я видел комментарии на форуме.

Она посмотрела на меня внимательно, не то чтобы удивилась, скорее - насторожилась:

- Откуда?

- Потому что семь лет назад у меня жена исчезла таким же образом. Анна Воронцова. Двадцать восемь лет. Вышла из кухни в нашей квартире в Бибиреве - и всё. Её нет в базах, нет в памяти у наших общих друзей, у её родителей. Я один помню.

Катя медленно поставила сумку на стул рядом, достала из неё тонкую общую тетрадь в клетку - затёртую, обложка в царапинах, корешок проклеен скотчем. Положила на стол и пододвинула ко мне.

- Я веду записи, - сказала она. - С первого такого случая. Когда пропал мой брат.

Я открыл тетрадь. Каждая страница - одно имя, дата исчезновения, краткое описание, что человек делал последний день. Почерк у Кати был ровный, аккуратный, почти ученический. Но на поздних страницах почерк становился нервным, буквы крупнее, кое-где видны были пятна - то ли от воды, то ли от слёз.

Мария Добронравова, 20 лет, 02.11.2025. Говорила бабушке, что «нашла способ решить все проблемы сразу». Последний выход из общежития - в метро «Университет», камера зафиксировала её вход в вестибюль. На выходе - нет.

Роман Ковалёв, 15 лет, 14.08.2025. Подросток, тяжело болен, семье не хватало денег на операцию. Мать говорила: за день до исчезновения пришёл домой необычайно весёлый, сказал «мама, всё будет хорошо», не объяснил ничего. Исчез ночью, входная дверь заперта изнутри. На подоконнике - слой серой пыли.

Ольга Николаева, 43 года, 28.06.2025. Разводилась с мужем, тот отбирал детей. В день исчезновения позвонила подруге, сказала «я нашла выход». Подруга думает - самоубийство. Тело не нашли. В квартире - пыль.

Дальше, дальше, дальше. Сорок семь имён. Все возрасты, все районы Москвы и области, разные социальные слои - от подростка из Бирюлёва до бизнес-леди с Рублёвки. Общее одно: отчаянное положение, странная надежда за день до исчезновения, запертая изнутри дверь, серая пыль на месте пропажи.

И последняя запись:

Костя Егоров, 19 лет, 17.03.2023. Мой брат. Пропал в марте, полгода назад начал, все говорят - ушёл. Никуда он не ушёл.

Я поднял глаза на Катю. Она сидела прямо и смотрела на меня, и глаза у неё были сухие.

- Ты тоже помнишь, - сказал я не вопросом.

- Помню. Поначалу пыталась рассказывать - думала, с ума сошла. Родители меня к психотерапевту водили, тот выписал таблетки. Таблетки я пила месяц, Кости не перестал существовать. Тогда я перестала говорить и начала записывать.

- Кто-нибудь кроме тебя ещё вёл список?

- Были. Две девочки-волонтёра в Питере. Они вели похожую тетрадь. Весной обе перестали выходить на связь. Я звонила им - родители отвечают, что не знают никаких таких волонтеров, их дочери работают, учатся, про поиск никогда не слышали.

Они забыли. Тоже.

Я пододвинул тетрадь обратно к ней:

- Ты слышала когда-нибудь о «Карусель-клубе»? «Ночь желаний»?

Катя нахмурилась, потом кивнула медленно:

- Нашла в комментариях на каком-то эзотерическом форуме год назад. Писала девушка анонимно: «Если совсем прижмёт - приди на Карусель, там помогают». Я искала дальше - пост исчез, а девушка та... нашла её ориентировку в пропавших через неделю.

- А что за Карусель? Где находится?

- Никто не пишет. Я пыталась спрашивать у уфологов, у эзотериков, у всяких городских сумасшедших. Кто смеётся, кто говорит, что это городская легенда. Один дедушка в очёчках, который торгует книгами в переходе на Китай-городе, сказал, что «Карусель приходит, когда её зовут, а не когда её ищут».

- Адреса нет.

- Нет.

Я кивнул, доел пирог. Пирог был хороший, с большим количеством капусты и укропа, как в школьной столовой.

- Значит, нам нужно выманить её, - сказал я.

- Каким образом?

- Они слышат отчаяние. Все эти люди - Маша, твой Костя, остальные сорок пять - все они в какой-то момент были на дне и хотели, чтобы проблема решилась любым способом. Они кричали в пустоту «я на всё готов». Карусель услышала.

- Ты хочешь, чтобы кто-то из нас сыграл отчаявшегося?

- Не кто-то. Я.

- Это опасно.

- У меня есть опыт. И мне есть, что терять, - и есть, что им предложить. Они уже семь лет знают, что я помню Аню. Тот парень в лифте в общежитии - он не случайно там был. Он приходил за Машей и увидел меня.

Катя помолчала, отпила чай. Потом посмотрела мне в глаза:

- Одного тебя не пушу. Я с тобой. Если это работает - я найду Костю.

Я не стал спорить. Сказал только:

- Договорились. Сначала мне нужно поговорить с одним человеком, которая, возможно, знает, что это за штука.

- Кто?

- Женщина по имени Устинья. Бывшая уборщица в каком-то НИИ, которая работала с подобным ещё в советское время. Мне её телефон дал один старый опер, когда я сам пытался разобраться с Аней. Я тогда не решился звонить - боялся, что меня упекут в дурку.

- Теперь решился?

- Теперь мне нечего бояться, кроме того, что я прав.

Мы вышли из кафе вместе. На улице совсем стемнело, фонари отражались в мокром асфальте, было холодно. Я проводил Катю до метро, она дала мне свой номер и положила тетрадь в сумку.

- Ты осторожнее, - сказала она на прощанье. - Они, кажется, видят тех, кто их ищет.

- Я заметил, - я вспомнил парня в лифте, его улыбку и пыль на пальце.

Я пошёл к машине - старому «Фокусу», который стоит у меня на Проспекте Мира с прошлой зимы и заводится через раз. Шёл и всё время оглядывался. Мне казалось, что за мной следят. Что в толпе у метро я всё время вижу одну и ту же серую куртку, одну и ту же улыбку.

Дома в Бибиреве меня ждала пустая квартира. Та же, где мы жили с Аней. Я не продал её и не переехал - не смог. В прихожей до сих пор стоят её тапочки, в ванной - её шампунь, в кухонном шкафу - её любимая кружка с медведями. Я не трогаю. Пыль протираю, но не выкидываю.

Я открыл шкаф с документами, достал старую записную книжку - ещё из полицейских времён, с обгоревшим углом от одного дела в 2017-м - и нашёл номер Устиньи. Номер был семизначный, городской, с кодом 495.

Я посмотрел на часы - десять вечера. Поздно, но не настолько, чтобы откладывать.

Набрал номер.

Гудки шли долго, на седьмом я решил, что не возьмёт, - и тут на том конце подняли трубку.

- Слушаю, - старушечий голос, ровный, строгий.

- Здравствуйте. Мне нужна Устинья Павловна. Меня зовут Илья Воронцов, я...

- Я знаю, кто ты, - перебила она. - Жду тебя завтра в два. Адрес запиши: улица Космонавтов, дом 12, квартира 41. Это у ВДНХ. Лифт не работает, поднимись на восьмой этаж пешком. Не опаздывай. Карусельщик уже был у меня спрашивать о тебе.

И положила трубку.

Я стоял с телефоном в руке и слушал короткие гудки.

В кухне что-то тихо стукнуло. Я обернулся - никого. На столе стояла чашка с недопитым чаем, который я налил до выхода утром.

Рядом с чашкой на скатерти лежала тонкая полоска серой пыли.

Глава 5

Ночью я спал плохо. Сначала долго лежал и смотрел на потолок, где от уличного фонаря ходили тени от веток берёзы, что растёт под окном. Потом всё же уснул - и увидел сон, который не видел уже лет пять.

Сон был простой: мы с Аней в нашей кухне, утро, за окном апрель, на столе сырники. Аня стоит у плиты в моей старой футболке и поёт что-то из «Кино». Я сижу за столом, наливаю чай. Она оборачивается, улыбается и говорит: «Ты не ищи меня, ладно? Не надо. Я сама так решила». Я хочу ответить, хочу встать, подойти, но не могу - ноги не слушаются, руки прилипли к столу. А она улыбается, и в это время за её спиной из плиты начинает валить серый дым, не чёрный, не рыжий - именно серый, как пыль. Дым заволакивает её лицо, и я понимаю, что если сейчас не закричу, не встану, не сделаю что-то - она исчезнет навсегда. Я открываю рот, чтобы крикнуть, а из горла вырывается только тишина.

Проснулся в холодном поту, в шесть утра. За окном уже светло - серый ноябрьский расцвет, неохотный, как больничный завтрак. Я встал, принял душ, сварил кофе и сел на кухне ждать двух часов. В голове крутилась мысль: Устинья сказала, карусельщик уже спрашивал о ней у неё. Значит, они следят за всеми, кто может что-то знать. Значит, они знают про меня больше, чем я про них.

В половине второго я оделся, проверил, что пистолет в кобуре на поясе - глупая предосторожность, если против тебя нечто, что стирает людей из памяти, но железная тяжесть на поясе придавала уверенности, - и поехал на ВДНХ.

Дом на улице Космонавтов оказался типичной брежневкой: девять этажей, лоджии, обитые жёстью, на первом этаже - продуктовый и почта. Лифт, как и сказала Устинья, не работал - на дверях висела записка от руки «лифт слом. до вторника». Я стал подниматься пешком. Лестница пахла кошками и сыростью, на площадках стояли старые велосипеды и детские коляски, которые никто не выкидывает по привычке. На шестом этаже я остановился передохнуть и посмотрел в окно. Из окна была видна ВДНХ - ракета на павильоне «Космос», павильоны, люди маленькие, как муравьи, бегут между ними.

На восьмом этаже я нашёл квартиру 41. Дверь старая, деревянная, обитая коричневым дерматином, звонок не работал, на месте звонка - дырка. Я постучался три раза, как принято у старух.

- Открыто, не заперто, - раздалось изнутри.

Я вошёл. Квартира Устиньи была точно такой, какой я себе её представлял: двухкомнатная, с высокими потолками, с коврами на стенах, с запахом валокордина и пирогов с капустой, с книжными полками до потолка, уставленными советскими изданиями. В комнате, куда я вошёл, стоял круглый стол под оранжевым абажуром, на столе - дымящийся чайник, две чашки, вазочка с вишнёвым вареньем. За столом сидела старуха - маленькая, сухонькая, в вязаной кофте, с седыми волосами, собранными в пучок, и с острыми, совершенно не старческими глазами.

- Воронцов, - сказала она. - Садись. Чай пей, с вареньем. Небось в подъезде упарился, поднимался.

Я сел. Налил чай. Чай был крепкий, сладкий, как я люблю.

- Откуда вы меня знаете?

- Сорок лет работаю, мальчик. И не с такими, как ты, работала. В НИИ парапсихологии при Минздраве СССР - слышал про такой?

- Слышал краем уха.

- Был такой. С 1968 по 1991 год. Работали там над тем, что ты сейчас назвал бы паранормальщиной. В основном - ерунда, конечно, бабки-гадалки, экстрасенсы, телекинез. Но было

одно направление, которое наше начальство называло «объекты городского бытового параспсихоза». Карусель к ним относилась.

Устинья помолчала, отпила чай, вытерла рот салфеткой, сложенной уголком.

- Ты знаешь, что это?

- Догадываюсь. Существование, которое забирает людей взамен на исполнение желаний.

- Не совсем забирает. Это было бы слишком просто. - Она хмыкнула, покачала головой.

- Карусель - она как сделка, но по-другому работает. Дьявол берёт душу, как в книжках. А Карусель не берёт ни душу, ни тело. Она берёт... след. То, что человек оставляет в этом мире. Память о нём у других.

Я поставил чашку:

- То есть человек сам становится как бы...

- Не существующим для других. Он остаётся жив, ходит по улицам, дышит, ест, но никто его не узнаёт, никто не помнит. Он превращается в тень самого себя. А та энергия, которую мир тратил на то, чтобы его помнить, идёт на исполнение желания. Серое вещество, которое ты наверняка видел, - это память, которая превращается в прах.

- Где они тогда находятся - эти люди, которые подписали?

- Где-то рядом. В том же городе, в тех же метро. Но для нас их как бы нет. Иногда их можно заметить краем глаза, в отражении в витрине, в толпе. Но если попытаешься посмотреть прямо - они исчезают.

Я слотнул. Значит, Аня жива? Она всё эти годы где-то здесь, в Москве, ходит по тем же улицам, может быть, проезжает в том же вагоне метро, а я её не узнаю?

- Можно их вернуть?

- Можно, - Устинья посмотрела на меня прямо. - Теоретически. Если сорвать сделку до того, как сотрётся последняя память у последнего человека. Если кто-то продолжает помнить - связь ещё есть. В твоём случае - ты помнишь. Значит, жену твою можно вытащить.

- Как?

- Это не вопрос «как». Это вопрос цены. Карусель не любит, когда сделки расторгают. Она обязательно потребует замену. Всегда.

Я кивнул. Я был готов к этому. Семь лет я жил в пустой квартире с тапочками на пороге и шампунем в ванной. Я был готов ко всему.

- А карусельщики? Кто они, эти парни в серых костюмах, с ручками?

- Когда-то они были обычными людьми. Такими же, как ты или я. Некоторые из них сами когда-то подписывали сделку, потом соглашались работать. Другие - их выращивали, воспитывали. Карусель существует, пока есть люди, которые хотят чего-то слишком сильно. Это не организация в обычном смысле. Это скорее... дыра в ткани мира. А карусельщики - пальцы, которые просовываются в эту дыру, чтобы подписать очередную бумагу.

- А ручка?

- Перо. Чем подписывают - то и забирает. Обычная ручка, но её трогаешь - и след остаётся. Если долго держишь или сам ставишь подпись - ты уже не принадлежит себе.

Она наклонилась ко мне через стол, и глаза у неё стали совсем колючие:

- Я тебе скажу одно, Илья Сергеевич. Ты ходишь по лезвию. Они тебя уже видят. Они знают, что ты помнишь больше, чем положено. Для них ты - заноза, которая мешает работать. Но они тебя не убирают, знаешь почему?

- Почему?

- Потому что надеются, что ты сам придёшь и подпишешь. Ты же очень хочешь вернуть жену?

Я молчал. Она попала в точку.

- Они играют с тобой, - продолжила Устинья. - Дают надежду, подсовывают клиентов, как эту бабушку с внучкой, чтобы ты ввязался глубже. Ты уже чувствуешь, как глубже ввязываешься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.